

THE ARMENIAN CENTER FOR NATIONAL
AND INTERNATIONAL STUDIES

ՌԱԶՄԱՎՈՐԱԿԱՆ ԵՒ ԱԶԳԱՅԻՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

АРМЯНСКИЙ ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ И
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О НЕКОТОРЫХ «ТАЙНАХ» МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МАНВЕЛ САРКИСЯН
старший эксперт АЦСНИ

январь 2010 г.
ЕРЕВАН

Мнения авторов публикаций не всегда совпадают с позицией АЦСНИ.

© 2010 Armenian Center for National and International Studies.
This publication may not be reproduced or published, in whole or in part, without the express written consent of the Center.

© 2010 Ռազմավարական եւ ազգային հետազոտությունների հայկական կենտրոն:
Հոդվածի կամ նրա առանձին հատվածների հրատարակումը առանց ՌԱՀՀԿ-ի գրավոր թույլտվության արգելվում է:

© 2010 Армянский центр стратегических и национальных исследований.
Публикация статьи или отдельных ее частей без письменного разрешения АЦСНИ запрещена.

О некоторых «тайнах» международных отношений

Сомнения и беспокойства

Во все времена радикальных политических перемен у людей обостряется чувство интереса к сути возникших в мире проблем, а также к сути происходящих событий. Тревога за свою судьбу повышает у людей интерес к познанию самой конструкции мирового порядка. Присущий человеку и целым сообществам «страх истории» на самом деле является проявлением человеческой мудрости. Люди давно научились понимать, что нарушение порядка в их жизни всегда грозит деструкциями. А образ деструкций всегда черпается в истории. Но поскольку имеется всеобщее понимание того, что история никогда не учит, люди пытаются глубже разобраться в происходящем на их глазах процессе с целью отвода от себя возможных угроз.

На пути к такому познанию мало кто считается с тем обстоятельством, что главным источником периодически появляющихся деструкций является постоянное стремление к улучшению условий своей жизни. Прогресс всегда сопровождается сломом сложившихся укладов жизни. Новые возможности и способности требуют новых форм совместной жизнедеятельности. Соответственно, приходится изменять привычный уклад и выработать новые формы обустройства. Такие условия диктует жизнь, но человек всегда внутренне настроен лишь на то, чтобы перебороть эту логику жизни. Ему не хочется входить под диктат жизни – хочется привить в этой жизни свою логику и свои идеалы. На этом пути он больше склонен искать причины появления трудностей где-то вне себя. Чаще всего, ищется образ врага. Подобный настрой, помимо всего, формирует всю систему мировосприятия человека. Через призму этого мировосприятия оценивается и весь окружающий его мир.

Сегодня, когда политический мир вошел в очередную полосу радикальных перемен, мнения о причинах возникших перемен и сопровождающих их деструкций выражаются все чаще. И вполне закономерно, что в этих мнениях часто присутствует известная «теория заговоров»: мало кто может убедительно пояснить причины распада привычных форм жизнедеятельности государств. Еще менее убедительными кажутся мнения о «естественности» происходящих перемен. Соответственно, у каждого человека и у каждого сообщества обостряется образ скрытого врага. Конечно, в XXI веке большинство людей лучше начало понимать истинные причины постигающих мир деструкций. Но, тем не менее, поиск виновных в происходящем не уменьшился. Так или иначе, склонность к приписыванию всего происходящего проискам каких-то таинственных сил, прочно сохраняется в мировосприятии людей. Как видно, такова естественная природа человеческого сознания.

Но есть и иная причина. Человеку сложно понять политический мир. И не только простому добропорядочному гражданину мира – сложно понять мир даже специалистам и действующим политикам. Многочисленные полумифические представления о мировом обустройстве заслоняют сознание от возможностей познания истинных устоев миропорядка и истинных механизмов регуляции этого мира. Повышение скоростей изменения конкретных форм жизнедеятельности за последние полвека значительно затруднили познание. Это обстоятельство делает мир еще более трудно постижимым: ведь многое приходится принимать и делать в состоянии неведения.

Вот, к примеру, казалось, что ничто не могло вовлечь мировое сообщество в разразившийся 8 августа 2008 года жестокий кризис взаимоотношений на территории Грузии. Но непродуманные решения все же были приняты многими, и их резонанс оглушил весь мир. Об этом свидетельствует уже возникшее на фоне кризиса положение в международных отношениях – цепочка агрессивных действий пошла по всему земному шару. Создалось впечатление, что в грузинском кризисе «старый» мировой порядок был похоронен. Вместе с ним захоронились и принципы взаимоотношений ключевых субъектов международных отношений. Остались только шантаж и военная сила.

Что это – обвал международного порядка, или продуманная плановая работа кого-то из тех, кто имеет сильное влияние в этом мире? А может быть, чьи-то происки. Как ответить на эти вопросы?

Как выстроен международный порядок

Попробуем и мы осмыслить суть происходящих сегодня в мире процессов. И, как кажется, лучше всего начать с разговора о том, кто в этом мире, все-таки, хозяйничает? Или вообще нет никакого хозяина, и все в равной степени подвержены диктату объективных условий? Ответ на эти вопросы сам по себе многое может прояснить. Ведь понимания анатомии политического мироустройства уже достаточно для того, чтобы распознать причины нарушения покоя в стане ведущих мировых держав. Тем более что все не так уж и туманно в этом мире, как кажется. Если сильные мира сего в своих разборках кинулись к услугам слабых, значит, причины надо искать в отношениях между сильными. Если кто-то кинулся защищать слабых, а для кого-то эти слабые стали неразрешимой проблемой, то это может означать лишь то, что сильные тоже стали бессильными перед чем-то им не подвластным.

Но что может нарушить покой мировых держав? Для этого надо разобраться сначала в том, что есть покой для сильных. А конкретнее, в чем суть мирового порядка и на чем зиждется этот мировой порядок. На первый взгляд, кажется, что вопрос этот крайне примитивен в силу полной ясности политического мироустройства. Но это далеко не так. Наличие многочисленных взаимоисключающих трактовок международных процессов свидетельствует о том,

что логика построения и функционирования международного порядка не совсем распознана, по крайней мере, по части ряда наиболее значимых ее аспектов. В частности, не совсем хорошо представляется система управления и регуляции мировыми процессами. Чаще всего, сложно познается суть противостояний между субъектами. А это достаточно важный аспект.

Все люди желают уйти от ситуации деструктивного противостояния ведущих субъектов международных отношений, поскольку усматривают угрозы себе именно в таких противостояниях. Но мало кто знает, кому на самом деле суждено противостоять друг другу. Отсюда делаются большие ошибки в распознавании сути происходящих на мировой арене процессов и причин появления деструкций. Чаще всего, противостояние усматривают между странами, видимые противоречия которых никем не скрываются. То есть, противостоящими субъектами признаются активно спорящие и выясняющие меж собою отношения страны или блоки. И мало кто задумывается над тем, в чем истинная причина возникновения противостояний. Априорно говорится о возникновении ситуации непримиримости интересов. А в чем суть такой непримиримости, мало кто знает.

Результатом такой неразберихи в восприятии политического мира являются нескончаемые разговоры об «однополюсном», «двухполюсном» или «многополюсном» мире. Пожалуй, именно эта парадигма является базой полной мифологизации политического мировоззрения¹. Попробуем пояснить суть сказанного. А для этого попытаемся сначала определить, кто есть субъект противостояния, да и вообще, субъект международных отношений.

Субъекты международных отношений.

Система наказания — централизованная и децентрализованная

Все в мире политики начинается с возникновения отдельного субъекта. То есть, с первичной единицы, способной войти во взаимоотношения с себе подобными или любыми иными человеческими образованиями (сообществами). Философы считают, что цель формирования таких единиц всегда сводится к решению двух задач: обеспечить мирное сосуществование внутри сообщества и защиту от других сообществ. Единица может быть охарактеризована как состоявшаяся, если внутри

¹ Пытаясь распутать этот клубок разногласий, некоторые исследователи международных отношений идут по пути снятия самой проблемы полярности. К примеру, Я.Пляйс дает следующую трактовку данного аспекта: «На мировой арене, начиная с эпохи борьбы за мировое лидерство и до сегодняшнего момента, из общего числа государств выделялись региональные лидеры, а из них – уже сверхдержава (глобальный лидер) и ее соперники, один из которых при благоприятных для него условиях со временем побеждал гегемона и сам становился им, чтобы через какое-то время тоже оказаться поверженным. Примечательно, что основной конкурент лидера также организует свою систему международных отношений, имеющую, как всякая система, свое ядро в лице, разумеется, этого конкурента, своих сателлитов, вращающихся вокруг ядра, и периферийный резерв. По этой причине мир всегда был, есть и будет однополярным (в том смысле, что в нем всегда есть лидер) и в то же самое время он всегда был, есть и будет многополярным (в том смысле, что в нем всегда есть несколько крупных региональных полюсов, некоторые из которых открыто борются за пальму первенства в мире). Поэтому постоянный спор о том, каков на самом деле мир, однополярный или многополярный, в сущности, не имеет смысла. Мир всегда был и одним, и другим. См. Я.Пляйс, ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XX ВЕКЕ, http://www.rau.su/observer/N10_2005/10_02.HTM

сообщества установился соответствующий ее целям порядок. Известное испокон веков понятие государства и является олицетворением общественно-политических единиц с подобным порядком. А суть его сводится к способности обеспечить монополию на законное использование насилия. Право применения силы должно принадлежать только государству.

На протяжении тысячелетий эта схема коллективной организации людей не менялась, менялись лишь принципы конструирования этого порядка. Подобные единицы отрицали законность существования любых иных сообществ, отвергающих принцип монополии на насилие. Эти отвергаемые во все времена назывались «криминальным миром» – совокупностью лиц и групп, игнорирующих государственную монополию на законное применение насилия. Такова, в общих чертах, философская сущность первичных единиц международных отношений. И отсюда – возможность раскрытия первой и самой значительной «тайны» международных отношений. Вошедшие во взаимоотношения эти первичные единицы, отвергая законность прав криминального мира внутри себя, во взаимоотношениях с другими единицами вооружились именно его философией жизни. То есть, в международных отношениях пошли по пути игнорирования монополии на применение силы.

Как ни прискорбно для человечества, международный порядок изначально был выстроен на принципах криминального мира. А этот мир тоже имеет свой строгий порядок. И дело не только в игнорировании монополии на применение силы для наказания нарушителей этого порядка. Дело в том, что криминальный порядок основан на договоре членов группы о разделе зон и сфер влияния. Преступлением в этом мире признается нарушение такого договора. А наказание производится произвольным путем и право на наказание дано всем членам криминального сообщества. В полном соответствии с этой философией выстроен и международный порядок.

Если внутри сообщества (государства) порядок установлен на той или иной форме закона и монополии высшей власти на применение силы за нарушение закона, то вне рамок сообщества нормы взаимоотношений выстроены на принципе договора по разделу сфер и зон влияния, а также права на применение силы каждым субъектом международных отношений. Суть же международного права сводится к узакониванию конкретных форм раздела сфер влияния на основе договоров различных уровней. Никто не имеет права отнять у субъектов право на применение насилия в случае нарушения договора.

Естественно, на протяжении веков условия существования государств менялись. Но принципы организации мирового порядка не изменились ни на йоту. Изменялся лишь характер договоров о правах субъектов и о правилах взаимоотношений. И все же, суть касалась попыток создать механизмы сдерживания возможностей применения насилия. Главное же сводилось к узакониванию прав государственных субъектов на жизнь. Не случайно, появились понятия «международное признание», «нерушимость границ» и «невмешательство во внутренние дела». На все остальное

никто не посмел замахнуться. Ничего не изменилось и в наши дни, кроме того, что качественно изменились условия формирования первичных субъектов, и то не по воле последних. Попросту, субъекты эти (национальные государства) начали терять свою самостоятельную значимость. Ведь, помимо поддержания внутреннего порядка, государства очень долго обладали монопольным правом на обеспечение жизнедеятельности собственных сообществ исключительно по своему усмотрению. И это касалось не только формы политической организации, но и иных судьбоносных функций.

Так вот, качественным изменением в XX веке было то, что система безопасности, экономика, фундаментальная наука и информация перестали быть прерогативой национальных государств – произошла интернационализация этих сфер деятельности людей. Соответственно, самостоятельная роль этих первичных субъектов международных отношений резко понизилась. Отныне, ни одно государство самостоятельно не может обеспечить свою защищенность и экономическое развитие. Это привело к возникновению новых форм первичных субъектов – наднациональных экономических корпораций и стабильных блоков оборонительного характера. Но главное, изменилась шкала шансов государств на гегемонию. Во взаимоотношениях государств появился гегемонизм сверхбольших держав.

Описанная логика формирования международного порядка в последние столетия все больше воспринимается как несправедливая. Этому содействовало появление либерально-демократического порядка внутри государств. Чем больше внутренний порядок в государствах обретал относительно справедливый характер для его граждан, тем больше люди начали задумываться над изменением принципов организации международного порядка. Однако все сделанное, по сути, сводилось лишь к организации каких-то арен для международных обсуждений. Мир от этого справедливым не стал. Видимо, не случайно в последние десятилетия все больше начали говорить о необходимости либерализации международных отношений. Но все это осталось на словах, поскольку внутреннее обустройство государств и принципы обустройства международного порядка взаимоисключающи.

Принцип управления – треугольник: три полюса активности с различной характеристикой

Все сказанное выше касалось первичных принципов формирования международного порядка. И эта картина сама по себе говорит о многом. Но она осталась бы неполной, да и вообще, поверхностной, если не раскрыть «вторую тайну» международного порядка – логику регуляции взаимоотношений субъектов и, в частности, логику появления противостояний. Ведь, как было сказано в начале статьи, интерес к познанию системы международных отношений исходит, в первую очередь, из целей обеспечения защищенности людей. А главная угроза всегда исходит от деструктивных последствий противостояний.

Здесь уже придется рассмотреть вопрос о том, управляем ли международный порядок. В частности, надо разобраться в том, почему так много говорится о полюсах управления. Да и вообще, задаться вопросом: кто-то управляет миром или нет? Вопросы, как видим, прямо из нашей жизни. Так что без ответа на них невозможно раскрыть для себя логику международной жизни. Необходимо сразу же сказать, что международный порядок не признает принцип равенства. Взаимоотношения формируются в полной зависимости от универсальных потенциалов первичных субъектов международных отношений. Речь идет о степени внутренней организованности, технологическом потенциале, способностях военно-политического влияния на международную жизнь, и, наконец, экономических способностях.

То есть, придется допустить, что существующее различие в способностях и потенциалах субъектов должно привести к возникновению управленческой конструкции в международном порядке. И надо сказать, что такая управленческая конструкция ничем не отличается от той конструкции, на которой основан внутренний порядок субъектов международных отношений. Этот аспект, пожалуй, является наименее изученным в мировой политической мысли. Для того чтобы внести ясность в поднятую проблематику, надо сначала понять, что есть сила и что есть угроза силе. В этом смысле назовем силой универсальную способность первичной единицы навязывать свои представления и свою волю иным субъектам. Понятно, что в каждом разрезе времени такими способностями обладает лишь один субъект. Невозможно равное распределение всех необходимых организационных и технологических качеств среди нескольких субъектов. Хоть в чем-то один вырвется в лидерство.

Сказанное не означает, что такой лидер способен автоматически установить власть над остальными субъектами. При таком желании он обязательно встретится с сопротивлением хоть одного иного субъекта со сравнимым потенциалом. Вот здесь мы и подходим ко второй «тайне» международного порядка. Стремление к власти является естественным свойством любого субъекта. А в мире международных отношений такое стремление должно рассматриваться как естественная необходимость (не забудем об описанных выше принципах устройства этого мира – никто не дает гарантий от наказания). Столь же естественным является стремление к противостоянию воле другого.

Здесь и возникает вопрос о том, каким образом стремление к власти соотносится с фактором неминуемого противостояния с другой стороны. Оказывается, очень просто и очень универсально: лидирующий субъект целенаправленно формирует фактор угрозы для своего противника. То есть, лидирующая сила всегда вынуждена поощрять искусственный полюс противостояния своему противнику в лице потенциально безопасного для себя субъекта. В этом схема регуляционного механизма в международных отношениях. Соответственно, придется смириться с мыслью о том, что международный порядок всегда трехполюсный. При этом сущностные характеристики всех трех полюсов различны. Условно можно было бы

назвать их: управляющий полюс (доминирующий), сдерживаемый полюс (претендующий) и угрожающий полюс (поощряемый).

При таком рассмотрении логика всех противостояний в международных отношениях становится совершенно прозрачной. Лидирующий субъект вкладывает свою энергию в искусственно созданный им же полюс, при условии, что экспансия последнего всегда будет направлена против его главного противника. В связи с этим, в мировых процессах всегда видимое противостояние наблюдается между угрожающим полюсом и полюсом сдерживаемым. Управляющий полюс всегда остается в тени, а чаще всего – выглядит в образе защитника (союзника) своего реального противника. Лишь по такой схеме обеспечивается стабильность международного порядка: гегемон и претендующий на гегемонизм субъект всегда должны быть союзниками поневоле. В случае сбоя в этих усилиях, равновесие и, соответственно, порядок нарушается.

Главные ошибки любых наблюдателей исходят из того, что они склонны принимать за чистую монету ось противостояния между угрожающим полюсом и полюсом сдерживаемым – истинной оси противостояния никто не замечает, поскольку она не имеет проявления. Соответственно, в глазах наблюдателей и искажается вся логика мировых процессов. Мало кто может осознать, что полюс сдерживания всегда является искусственно поощряемым явлением, не имеющим самостоятельного потенциала. Возможно, в этом мудрость международного порядка. Трудно представить, что по какой-то иной схеме было бы возможным сохранить стабильность и управляемость мирового порядка. Однако, отсюда исходят и все исследовательские ошибки в многочисленных теориях международных отношений².

Надо отметить, что в практическом проявлении описанный механизм противостояния и регуляции достаточно сложен. И дело в том, что механизмы сдерживания выстраиваются обычно на различных уровнях противостояния. Проще говоря, в систему баланса сил вводятся целенаправленно поощряемые субъекты, посредством действий которых формируются конфигурации искусственных проблем для противников. Не касаясь всей сложности проблемы функционирования и динамики описанной глобальной системы, остановимся лишь на некоторых важнейших наших наблюдениях. Наблюдения позволяют определить, что свойством глобальной системы международных отношений является постоянное одновременное действие в ней взаимообусловленных конструктивных и деструктивных процессов. И наиболее примечательным во всех этих процессах является феномен порождения развитыми структурами новых структур путем направленного информационного и энергетического воздействия на политически «мертвые» социальные среды.

² Этот же недостаток присутствует в приведенных выше оценках Я.Пляйса: неременная необходимость искусственно поощряемого союзника лидирующей державы в качестве стабильного третьего полюса недооценивается. Отсюда и аморфность предлагаемой им модели баланса сил, в том числе, аморфность точки зрения по части «однополюсности» и «многополюсности».

В первую очередь, это касается процессов формирования конкретного фактора с требуемыми параметрами из неустойчивого этнического образования в любом регионе планеты, если это образование имеет предпосылки и собственный интерес (который, кстати, можно и стимулировать). Фактически, неотъемлемым компонентом действий ведущих держав является механизм налаживания взаимоотношений между различными подсистемами в «верхних эшелонах» мировой политики посредством формирования новых подсистем целевого назначения в «нижних эшелонах» политических отношений, в силу чего здесь, почти без риска, формируется нужная динамическая модель взаимоотношений главнейших политических факторов на планете. Маломощность фактора не означает, что его роль не может быть очень значительной в мировых процессах.

Тем не менее, вся логика поощрения искусственных субъектов подчинена ключевой логике верхнего эшелона взаимоотношений. Для убедительности следует привести ряд иллюстрирующих примеров. Одновременно, таким экскурсом станет возможным внести ясность во многие мифологизированные схемы оценок мировых процессов. Привычка приписывать полюсам сдерживания свойства самостоятельных субъектов всегда приводит к искажению представлений о реальном положении дел в международных отношениях. В частности, не угасают споры о роли различного рода диктаторских режимов в истории. Сила приписывается субъектам, ею не владеющим. Неверно трактуются и схемы той или иной международной системы баланса (мирового порядка) и пр.

Так, достаточно распространена точка зрения, что мировой порядок после второй мировой войны («холодная война») обеспечивался военно-политическим балансом между США и СССР. Последнему приписывался сравнимый с США универсальный потенциал. На деле же, СССР играл роль полюса сдерживания, но не США, а их главного противника – Европы во главе с Германией. Советский режим был выставлен в роли долговременного противостоящего европейским странам фактора искусственно поощряемой угрозы. Тем самым, обеспечивался прочный союз Европы с США. Допуск СССР к ядерному оружию, несомненно, имел цель внести необратимость в прочность союза этих западных стран.

В свою очередь, сдерживающего также надо было сдерживать, чтобы он не мог реализовать искусственно приданный ему излишек силы для воплощения неких собственных амбиций и не отвлекался бы тем самым от выполнения своей главной задачи. Главным образом, роль факторов сдерживания играли Турция – авангард НАТО в южном подбрюшье СССР, а также, новое государственное образование Израиль на стыке арабского мира. В обоих случаях были созданы региональные противовесы на пути самостоятельной военно-политической активности СССР.

Необходимость установления данной формы международного порядка диктовалась более чем четверть вековой историей соперничества США с Европой, главным образом, с Германией. Обе мировые войны были механизмами подавления технологического и экономического прорыва Германии, представляющей угрозу для США и их «родного брата» – Великобритании. Приведенная схема, конечно,

несколько упрощена, поскольку схема «треугольника» работала в нескольких плоскостях. Скажем, сами союзнические отношения Великобритании с США требовали дополнительных балансирующих механизмов. Но это уже в рамках общей схемы мирового порядка.

Главным в описываемом здесь примере является то, что здесь отчетливо характеризуется международная роль и универсальный потенциал СССР. Появившись на территории царской России, это государственное образование никак не изменило международной роли своего предшественника. На протяжении почти трехсот лет Россия играла роль фактора сдерживания (вплоть до военного наказания) соперников Великобритании. Очень точно она получила характеристику в виде образа «жандарма Европы». Вполне логично Россия в необходимые моменты входила на территории Франции, Австрии и других европейских стран с одной лишь функцией – наказать строптивых противников тогдашнего мирового гегемона. Понятно, что никакого универсального потенциала, в первую очередь, технологического, эта страна никогда не имела. Этого и не могло быть в ее роли. В противном случае, в такой роли ей отказали бы мгновенно. Или же она поменяла бы свой статус – из полюса сдерживания превратилась бы в полюс угрозы.

Надо отметить, что периоды мировой истории состоят из интервалов мирного баланса и интервалов военного натравливания «полюсов сдерживания» на «полюса угроз». Не случайно, все авторитарные лидеры развитых европейских стран получили свое наказание со стороны России. Двое из них, Адольф Гитлер и Наполеон, непосредственно были заражены страстью покончить с Россией, поскольку прекрасно понимали логику мирового порядка. Видимо, в них было поощрено желание изменить радикально схему «мирового треугольника». Но это, естественно, было ошибкой, присущей всем авторитарным лидерам – с третьим полюсом воевать бессмысленно³.

³ Попытки рационального теоретического обоснования логики формирования баланса сил начались еще в XVIII веке. Война за испанское наследство сконцентрировала главные противоречия формировавшейся в конце XVII - начале XVIII в. европейской системы, нашедшей выражение в Утрехтском мире 1713 г. В Утрехтском мире впервые была сформулирована ясно выраженная цель сохранения мира в Европе посредством равновесия сил. Автор Утрехтского мирного договора английский лорд Болингброк (1678 - 1751), занимавший посты военного министра и государственного секретаря (министра иностранных дел) Англии, в опубликованных в 1752 г. «Письмах об изучении и пользе истории» дал первое в политической философии обоснование концепции «баланса сил», где ближе всего выражена приведенная здесь логика формирования баланса.

По мнению Болингброка, «мир достигим только на основе сдерживания самой сильной державы объединенным сопротивлением р о с т у в с е м о г у щ е с т в а со стороны других держав». Этот свой тезис он проиллюстрировал на следующем примере: «Правители и государства, которые не придавали значения или способствовали росту этого (Франции) могущества, что по очереди делал каждый из них, осознали свою ошибку, осознали необходимость ее исправить и поняли, что если они не смогут ограничить мощь Франции путем объединения сил, превосходящих ее, будет невозможно воспрепятствовать осуществлению ее грандиозного замысла, связанного с Испанским наследством».

См. Болингброк. План для всеобщей истории Европы. Письмо 1 // Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 241. 63. Там же. С. 102. 64. Там же. С. 95. 65. Там же. С. 108- 109.

Правда, как и можно было ожидать, логика эта на теоретическом уровне была распознана не в полной мере, поскольку не было внесено ясности в характеристику понятия «самая сильная держава». В приведенном примере определяемая этим понятием Франция, несомненно, представляла из себя полюс угрозы для Британии, то есть, «претендующего», но никак не «управляющего полюса».

Демонтаж с конца 80-х мирового порядка образца 1947 года может свидетельствовать лишь о том, что данный порядок исчерпал свой стабилизирующий потенциал. Такое могло произойти лишь при одном условии – линия противостояния в мире изменилась. Это означает, что поменялся «полюс угрозы». При сохранении в международных отношениях «управляющего полюса» за США, такое изменение само по себе вызывает ключевой интерес в деле познания сути международных процессов настоящего времени. Ведь если изменилась схема треугольника, то этот треугольник надо выявить. Кроме того, необходимо оценить характер возникших перед мировым гегемоном задач.

Здесь можно с большой долей уверенности утверждать, что «полюс угрозы» переместился от Европы в юго-восточную Азию. Если двадцать лет назад такое утверждение повсеместно оспаривалось, то ныне ни для кого не является секретом, что головная боль США исходит от Китая (в качестве зарождающегося лидера восточной цивилизации). Интернационализация науки и экономики, а также ускорение ритма жизни на Земле когда-то должны были привести к появлению в какой-то зоне мира новых форм эффективной социально-политической организации, а также к появлению новых материальных технологий. Если это изменение оказалось способным создать угрозу потенциалу США, то полюс угрозы должен был переместиться в иное место.

Заметно, что так оно и произошло. Страны указанного региона смогли создать у себя более высокую степень внутренней дисциплины и более дешевые высокотехнологичные товары. При этом они смогли создать более благоприятные условия для развития финансовых отношений. Лидером этого процесса стала Япония. Отказавшись от милитаризма, эта страна смогла представить миру способность эффективного превращения фундаментальных научных исследований в материальные технологии. И самое главное, она смогла выработать монопольные технологии стратегического назначения. Было понятным, что родственная в цивилизационном отношении страна – Китай – также за короткий срок сможет установить у себя аналогичную дисциплину. С учетом размеров последней она стала претендовать на роль потенциального фактора угрозы США.

Послевоенный мировой порядок потерял свою эффективность. Перед мировым гегемоном встала проблема формирования нового треугольника. Россия потеряла свою роль полюса сдерживания. Союз США с Европой начал рассыпаться. Равновесие в международных отношениях нарушилось. Мир перешел к фазе передела. Суть сложившегося в настоящий момент положения дел в международных отношениях следует рассмотреть подробно. Но перед этим остановимся на указанном в начале статьи факторе «заговора», а именно, на вопросе о том, существует ли в мировой практике феномен теневого управления политическими процессами со стороны специфических структур или «особых» народов.

Всемирный Заговор – за и против.

Подтверждение или опровержение этого распространенного убеждения имеет большое значение в деле познания логики международных отношений. Ведь в политическом мире все сводится к механизму осуществления власти. Соответственно, должны быть учтены все центры власти и все методы ее осуществления. В сделанной здесь постановке проблема сводится к тому – может ли какая-то негосударственная структура повернуть логику мировых процессов в свою пользу? Надо полагать, что речь идет о структуре, не обладающей универсальным потенциалом государственных образований. Соответственно, речь может идти лишь об интеллектуальном потенциале, превосходящем суммарный потенциал мирового гегемона. Возможно ли такое? – вот в чем вопрос. Сторонники «теории заговоров» исходят именно из уверенности в возможности наличия такого потенциала в отдельно взятой единице или сети единиц. Соответственно, ими усматривается возможность теневого управления гегемоном и иными полюсами.

Чтобы внести ясность в поднятую проблематику, необходимо выяснить одно обстоятельство: каким образом ход мировых событий может измениться в пользу интересов «сугубо интеллектуального субъекта». Кроме того, надо ответить на вопрос: возможно ли появление такого субъекта вообще, и на чем выстраивается его превосходство? Обычно сторонники таких теорий заявляют, что целенаправленная кадровая экспансия способна узурпировать управляющие звенья политических полюсов и, тем самым, подвергнуть деятельность последних своему влиянию. Но никогда не дается ответа на вопрос: на чем зиждется деятельность таких структур? Конкретнее, каким образом формируется единый интерес членов таких структур?⁴ Ответ подменяется допущением о том, что подобные структуры формируются на интересах овладения мировым господством, или же, на этнических интересах какой-то группы.

На эти аргументы просто так ответить сложно, тем более, если имеется намерение опровергнуть их истинность. Для этого необходимо войти в лоно «третьей тайны»

⁴ Факт того, что базой международных отношений является интерес субъекта и действие в защиту этого интереса, давно уже никто не оспаривает. Но может ли принадлежать к категории таких субъектов закрытое интеллектуальное образование – вопрос открытый. Еще основатель теории политического реализма Ганс Моргентау выдвинул принцип политического реализма, согласно которому, политический реализм избавляет теорию международных отношений от двух заблуждений – исследования мотивов и намерений, лежащих в основе политических действий, а также изучения идеологических предпочтений субъектов международных отношений. На взгляд Моргентау, точка зрения, согласно которой ключом к пониманию внешней политики являются исключительно мотивы государственного деятеля, ошибочна. Внешнюю политику нельзя рассматривать через психологические феномены.

Его видение внешнего мира и закономерностей, им управляющих, базируется на трех постулатах: основным субъектом международных отношений является национальное государство, выражающее свои интересы в категориях силы. Принципом политического реализма является принцип национальных интересов, понимаемых в терминах власти и могущества. Следствием этого внутренней пружиной, двигающей международные отношения, становится борьба государств за максимализацию своего влияния во внешней среде. Понятие интереса, определенного в терминах власти, не позволяет впасть как в указанные моральные крайности, так и в подобное политическое недомыслие. Эти идеи в наиболее систематизированном виде были изложены Моргентау в его фундаментальном труде «**Международная политика**» (Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace), изданном в США в 1948 году. Каким образом в описанную логику международных отношений могут вписаться интересы и действия, не обладающего рычагами «производства действий» субъекта, понять трудно. Зато есть много доводов против наличия такой возможности.

политического обустройства – логики механизмов осуществления власти. Тогда можно ответить на вопрос о том, возможна ли организация центра власти на одном лишь интеллекте, и возможно ли отстаивание такой властью коллективного интереса. Более того, возможно ли появление упорядоченности в подобной структуре? Если да, то к какой категории можно отнести такой порядок? Здесь ясность может возникнуть, если обратиться к известным схемам формирования системы власти.

Философия власти: страх и честь

Мнения философов многих поколений совпадали в одном из ключевых вопросов: на чем основывается власть? То обстоятельство, что человек склонен признавать над собой власть других, относится к сфере психологии – человек всегда нуждается в упорядоченности своих отношений с другими людьми и поэтому внутренне склонен подчиняться во имя порядка. То есть, власть над собой всегда воспринимается как насущная необходимость. При этом замечено, что в основе готовности к подчинению лежат два чувства: честь и страх. Честь, в данном случае, означает готовность подчиняться общепринятым нормам, а страх – подчиняться воле другого человека.

Из всех известных форм осуществления власти на основе чувства чести в истории человечества укрепились две: монархия и конституционное государство. В обоих случаях члены сообщества с особым достоинством (что и есть честь) придерживались установленных в их государстве законов, спокойно проявляя готовность нести наказание за нарушение этого закона. Психологическая основа признания верховенства государственной власти над собой в обеих типах государств разная. В первом случае, государственный порядок устанавливается на основе всеобщей веры людей в богоизбранность правителя и в божественную сущность монархического закона. Такое обустройство государственной жизни люди принимали как справедливое. Статус подданного полностью соответствовал понятию чести члена сообщества. Подобный порядок был самодостаточным при условии сохранения в сообществе веры в богоизбранность правителя. Последнюю функцию брала на себя церковь.

В конституционном государстве подчинение законам, принятым на основе договора всех членов сообщества, считается признаком высшей чести. Устройство государства на основе равных прав и равной ответственности перед законом, а также выборный механизм формирования государственной власти являются главными принципами, на которых строится общий порядок. Данный порядок обеспечивает эффективную управляемость жизнедеятельностью сообщества, а достоинство каждого остается защищенным.

В отличие от двух указанных видов социально-политических порядков, в жизни человечества укоренился еще один распространенный тип порядка – авторитаризм различных мастей, от идеологизированных тоталитарных образований до

деидеологизированного деспотизма. Здесь базой власти является страх перед правителем. Порядок в сообществе осуществляется посредством наказания по воле правителя. Нормы поведения членов сообщества определяются волей правителя. Никакой степени защищенности членов сообщества здесь не имеется.

Тем не менее, все три вида человеческих объединений признаются государствами по одному признаку: везде зафиксирован феномен монополии на насилие. Именно это обстоятельство заставляет многих философов отказаться признать государственным образованием сообщества, основанные на базе договора его влиятельных членов о разделе сфер влияния – так называемые криминализованные государства. Несмотря на то, что подобные (довольно распространенные) сообщества обустроены на жестких нормах, и в этом смысле даже превосходят степень структурированности авторитарных государств, в этих сообществах отсутствует монополия на применение насилия. Правящий режим таких сообществ позволяет рассредоточенное применение насилия. Тем не менее, последняя форма порядка крайне распространена.

В предыдущих параграфах было отмечено, что международный порядок по своим сущностным характеристикам аналогичен именно этому последнему типу порядка. А это может означать лишь то, что криминальный порядок обладает высокой степенью самодостаточности и эффективностью. Иное дело, что внутри своих сообществ люди стремились к отказу от подобного порядка. И это не случайно, поскольку устройство данного порядка не только основано на страхе, но и признает верховенство несправедливости в качестве нормы. Последнее обстоятельство наглядно демонстрирует то, что в международных отношениях человечество отказалось от принципа справедливости изначально.

Так или иначе, приведенные выше описания всех известных в мировой практике схем формирования власти и порядка в сообществах позволяют вернуться к теме «теневого» управления, то есть к обозначенной в данном исследовании теме «заговора». Во всех видах порядков отчетливо заметно, каким образом формируется совместный (национальный) интерес членов сообщества. Ясно и то, какой психологический настрой членов сообщества обеспечивает управляемость общественно-политических систем. Подтолкнуть подобные системы к деятельности, идущей вразрез с собственными интересами, достаточно сложно. В какие-то моменты всегда срабатывают механизмы самозащиты в форме смены правящих режимов. Хотя, теоретически, временно подобные управляющие конструкции можно поставить на службу иным интересам.

Отсюда и возникают вопросы о том, к какому типу порядков могут относиться гипотетические «центры заговора»? Если они договорные, то какой принцип лежит в основе договора? Если основаны на вере в предназначение, то как строится внутренний порядок в таких структурах? Если авторитарные, то каким образом определяется авторитет? В любом случае можно сказать, что в сравнении с государственными структурами никакая иная структура не может обеспечить себе превосходство в способностях. Жестче, чем в криминальных сообществах,

внутренний порядок «центров заговора» быть не может. Но и криминальные структуры всегда оставались бессильными перед минимально организованным государством. Так что сторонники «теории заговоров» должны внести полную ясность в вопрос об истинных способностях «центров заговора».

Толкнуть управленческую конструкцию того или иного государства к деятельности в угоду иным интересам могут только влиятельные государственные образования. В практике международных отношений такая методология всегда присутствует. Но повторим, такая сложная работа есть прерогатива далеко не каждого государства. Механизмы воздействия на упорядоченное сообщество крайне сложны – инстинкт самосохранения всегда срабатывает.

В реальности же, легко можно пояснить распространенность мнений о заговорах тем, что к таким лжеконцепциям апеллируют все политические аппараты влиятельных держав, в первую очередь, гегемоны. Это исходит уже из самой логики системы управления международными отношениями. Напомним, что в такой политике истинная линия противостояния полюсов всегда укрывается от людей. И наоборот, противостояние рисуется между другими полюсами. Такая практика сама по себе требует целенаправленной политической мифологии. И, как кажется, лучших концепций, чем «теория заговоров» в этом деле сыскать невозможно. Прячущийся от глаз всегда склонен прикрываться образом других, а чаще всего, вымышленными образами. Лидеры никогда не берут на себя ответственности. А что такое ответственность в международных делах – оценить не трудно.

На пути к новому равновесию – треугольник новой волны. Парализация принципа невмешательства во внутренние дела

Все приведенные в данной статье доводы позволяют обрисовать картину нынешних политических процессов в мире⁵. Здесь необходимо выделить ряд шагов США, начиная с момента распада СССР. Кстати, сам мирный демонтаж этой страны в 1991 году стал символом исчерпания ее роли, а также, символом начала радикального передела мирового порядка. Что же произошло дальше? По логике «треугольника» США должны были «снять замки» с карты политического мира, в первую очередь, запрет на вмешательство во внутренние дела государств, а также запрет на передел границ⁶. Ведь ключевой задачей с первых же дней должна была быть задача

⁵ Подробно об этом можно познакомиться в монографии автора «Армения перед лицом современных перемен», изд. АЦСНИ, Ереван, 1997 г.

⁶ Лучшим примером откровенного признания в этом может служить оценка одного из столпов американской политики двадцатого века Г.Киссинджера о том, что «Сегодня вестфальский порядок переживает системный кризис. Его принципы оспариваются, хотя приемлемую альтернативу еще предстоит отыскать. Не только Соединенные Штаты, но и многие европейские государства отвергают принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу идей гуманитарной интервенции или вмешательства на основе следования всемирной юрисдикции. В сентябре 2000 г. на саммите ООН, посвященном наступлению нового тысячелетия, этот подход был одобрен и поддержан многими другими государствами. В 90-е годы Соединенные Штаты по гуманитарным соображениям предприняли четыре военные операции – в Сомали, на Гаити, в Боснии и в Косово; другие страны возглавили такие операции еще в двух местах – в Восточном Тиморе (Австралия) и в Сьерра-Лионе (Великобритания). Все эти интервенции, кроме интервенции в Косово, были санкционированы ООН».

формирования нового полюса сдерживания уже в направлении Юго-Восточной Азии.

Специфика новой эпохи требовала принципиально новых подходов. Технологический прогресс изменил характер силы, обеспечивающей баланс в международных отношениях. В плоскость борьбы за гегемонизм начали выходить страны с принципиально новым характером потенциалов. Как было отмечено выше, отказавшаяся от армии в качестве механизма решения международных проблем Япония, а также перенесший экспансию в сферу экономики Китай выставили новые задачи перед мировым гегемоном. Традиционными путями сдерживать подобные тенденции стало невозможным. Понадобились новые механизмы сдерживания. Прецедентов такого механизма мировой опыт не дает – слишком изменились условия существования национальных государств.

Что можно было заметить в действиях США? Первое – легитимизация передела государств на основе тезиса об «угрозе геноцида». Это был первый практический механизм, взятый на вооружение со стороны США. Этот механизм позволил ввести в политический обиход идею международной коалиции. Такая коалиция впервые создавалась при разделе Югославии. Далее, в обиход был введен новый тезис «об угрозе международного терроризма». Данный феномен примечателен тем, что он создает образ абстрактного «третьего полюса». И вновь, целью было создание коалиции наиболее сильных держав, а также, первого акта демонтажа самостоятельного субъекта – Ирака.

Тем не менее, время показало, что образ абстрактной угрозы не возымел необходимого эффекта. Даже расширение главного консолидирующего механизма США – НАТО, не смогло обеспечить сдерживание процесса «экономического расползания» ведущих держав мира по всей Земле. Наоборот, начался процесс рассредоточения политического потенциала ведущих стран. Понадобилась реальная угроза. И здесь стереотипы послевоенного мирового порядка были превращены в базу для новых инициатив США. В 2008 году вновь в обиход был пущен тезис «об угрозе геноцида», но уже с иным намерением. Создался «косовский прецедент», назначением которого было восстановление образа реальной угрозы со стороны России – образа агрессора. Видимо, в последний раз на помощь были созваны стереотипы периода «холодной войны». При этом, последние политико-правовые сдержки на пути военного вмешательства на территории любых государств были сняты.

Возможность формирования более крепкой международной коалиции была восстановлена. Видимо, именно в таком формате США решили начать реализацию программ по восстановлению международного баланса. Скорее всего, новый «полюс сдерживания» обретает контуры рассредоточенной системы глобальной изоляции Китая. Это, несомненно, новая технология, но не новый принцип формирования международного порядка. Поэтому, есть смысл подробнее

См. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? Пер. с англ. под. ред. В.Л.Иноземцева. М.: Ладомир, 2002. С. 5, 6.

остановиться на сути «косовского прецедента», поскольку заметно, что именно этому механизму предназначено изменить облик политического мира в XXI столетии.

8 августа 2008 года путем вовлечения России в конфликт между Грузией и ее бывшей провинцией Южной Осетией путь к переделу мирового порядка был открыт. Устами России было заявлено на весь мир, что ради спасения народа от геноцида необходимо признать независимость его государственного образования. Основой для такого заявления был принят опыт признания югославской провинции Косово со стороны США и европейских держав в начале того же года.

Для достижения же такого эффекта было приложено немало усилий в течение всего 2008 года. Не зря США развернули вокруг проблемы Косово такую шумиху. Против воли России, в случае с признанием независимости Косово, впервые была введена практика одностороннего признания произвольного государственного образования без согласия метрополии. При этом, в качестве аргументации такого признания был избран тезис «об угрозе геноцида». До сих пор, любое изменение границ в международном праве опиралось на принцип соглашения между сторонами. Лишь этот механизм позволял разрешить противоречие между принципом территориальной целостности и принципом права на самоопределение.

В случае с Косово, в обиход был фактически введен новый неписанный международный принцип. Таким образом, защищенность суверенитета любого государственного образования была поставлена под угрозу уже «в законном порядке». При этом сам процесс введения в обиход этого принципа имел вполне конкретную политическую направленность – прецедент был установлен в точке наивысшего противостояния геополитических интересов Запада и России. Последнее обстоятельство и сделало опыт признания Косова практическим международным механизмом. Надо было только подождать удобного момента для того, чтобы толкнуть Россию на применение этого механизма. Как видим, долго ждать не пришлось.

Симптоматичны и реакции Запада на действия России в Грузии. Премьеру России Владимиру Путину со стороны ведущих западных СМИ сразу же были созданы широкие возможности для оправдания последних действий своей страны в Грузии. Параллельно, возникшая в результате этих действий новая ситуация в международных отношениях начала стремительно развиваться.

Надо было ожидать, что перспектива полного изменения геополитических реалий должна была вызвать различные самостоятельные инициативы со стороны наиболее обеспокоенных субъектов. И одним из наиболее симптоматичных событий периода возникновения кризиса в Грузии стала неожиданная активизация соседней с Грузией Турцией, почти мгновенно создавшая новую сферу проблем. Воспринимаемая в качестве союзника США, эта страна - член НАТО, проявила своеобразное отношение к происходящим событиям. 14 августа премьер Турции Эрдоган вылетел в Москву, где предложил инициативу подписания пакта мира в

регионе. А после посещения Тбилиси и Баку на повестку дня вышла идея о создании нового регионального пакта по безопасности и сотрудничеству на Кавказе.

В том, что действия Турции были отражением сильного беспокойства руководства этой страны, было заметно из сделанного 18 августа президентом Турции Абдуллой Гюлем «эпохального» заявления. Он заявил, что «конфликт в Грузии показал, что Соединенные Штаты уже не могут определять глобальную политику и должны начать делиться властью с другими странами». Обращаясь к США, он отметил: «я не думаю, что вы можете контролировать весь мир из одного центра. Существуют великие нации. Существуют огромные населения. В некоторых частях мира невероятное экономическое развитие. Таким образом, то, что нужно нам сделать, это то, что вместо односторонних действий мы должны действовать все вместе, должны принимать совместные решения и проводить консультации со всем миром. Должны создать новый мировой порядок, если можно так выразиться»⁷.

Слова Гюля, конечно же, однозначно не свидетельствуют о том, что истинные причины самостоятельной активизации Турции кроются именно в такой оценке политики США. Вполне возможно, что суть дела, наоборот, в обеспокоенности Турции проводимой со стороны США политикой в регионе, да и в намечающихся тенденциях политического размежевания в мире.

Осознание не совсем приемлемых для Турции перспектив могло подвигнуть Турцию на полный пересмотр своей внешней политики. Ведь, как и все понимающие люди в мире, турки тоже осознали, что правила международной игры в мире с этого момента изменились. Завтра случай с Грузией может повториться у Турции. И тут неважно, кто применит «косовский прецедент» по отношению к турецким курдам – Россия или США. Ясно, что любые усилия Турции будут направлены на создание гарантий от посягательства на ее территориальную целостность.

Еще на заре демонтажа международного порядка периода «холодной войны» в политологический оборот были пущены тезисы о необходимости превращения Ирана в «авангард политики США по Китаю». С тех пор фактор Ирана в политике США периодически всплывает в качестве цели очередной «антитеррористической операции». Что подобная программа создания одного из звеньев «полюса сдерживания» Китая может получить реализацию в рамках политики конструирования нового мирового порядка, огульно отрицать не стоит. Слишком удобным субъектом является Иран для таких целей, при условии смены действующего там режима. Но это дело будущего.

Сейчас, многие «тайны грузинского кризиса» начинают становиться явными. Последствия шагов России в Грузии наглядно демонстрируют, что они стали началом запуска глобального процесса передела баланса сил. В мировой прессе никак не скрывается, что последние действия России являются всего лишь поводом для разворачивания какой-то глобальной политической программы с совершенно

⁷ Цитировано по: <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-21290.html>

иным назначением. Понятно, что без введения дополнительного компонента в принципиальную базу международных отношений создать эффективный политический механизм такого передела было бы невозможно. Механизм одностороннего признания независимости «самоопределившихся политических субъектов» обрел стратегическую значимость. Желали ли этого, или нет, в международных делах появился новый механизм «штамповки» государственных образований «двумя руками». США и Россия могут определять блоки государств всего лишь посредством целенаправленного признания той или иной территории. То есть, одностороннее признание стало механизмом политического размежевания в мире. Он отражает глобальные политические тенденции.

Сами нынешние руководители России первыми заявили о глубинной сути возникшего в Грузии кризиса. Трудно пренебречь заявлениями президента России Дмитрия Медведева о том, что существовавшая вплоть до 8 августа 2008 года архитектура международной безопасности доказала свою слабость и нуждается в пересмотре.

Такое утверждение выходило за рамки тактических планов руководителей оказавшейся в сложной международной ситуации страны. Президент России заявил 5 сентября 2008 года во всеуслышание, что... «избавившись от холодной войны, мир никак не может обрести новое равновесие – необходима новая архитектура безопасности». До этого министр иностранных дел России Сергей Лавров 1 сентября заявил, что для начала было бы неплохо посмотреть, адекватны ли сегодня созданные когда-то структуры и механизмы или надо думать о чем-то новом для строительства новой европейской архитектуры, прочно гарантирующей нерушимость послевоенных границ и в то же время учитывающей реалии XXI века.

Когда о необходимости учитывать реалии говорит страна, уже двадцать лет пытающаяся восстановить схему международной безопасности периода «холодной войны», то приходится признать, что она осознала тщетность таких усилий и то, что все привычные подходы исчерпали себя. Приходится согласиться, что прозрение дошло до всех во всем мире. Так или иначе, спустя 20 лет после ликвидации Берлинской стены, Россия «публично похоронила» существующий уклад в миропорядке вместе с его основополагающими принципами. Последняя преграда на пути формирования нового политического мира оказалась устраненной самопроизвольно.

Символическим выражением всеобщего осознания конца старого миропорядка стала предложенная в апреле 2009 года России со стороны США стратегия «перезагрузки» отношений этих двух стран. По сути, в международный обиход оказалась внесена стратегия нового мироустройства. Последовавшие за этим изменения в различных зонах Земного шара политические изменения стали свидетельствами безальтернативности новых конфигураций в мировой политике. Куда поведут эти процессы – покажет время.

Несомненно, ответственность за поиск новых форм организации мирового порядка остается на США. Ее роль гегемона остается в силе. Однако впервые в истории последних трехсот лет управленческая конструкция в международных отношениях стоит перед угрозой радикального изменения. Мировые лидеры не часто меняются. В связи с этим обстоятельством схема «глобального треугольника» остается неизменной в очень долгой перспективе. Идентичными бывают и картины периодов перемен (нарушения равновесия). Однако, в настоящий момент политическая ситуация в мире беспрецедентна. Беспрецедентными должны быть и политические изменения.

С легкостью никто не пойдет на признание насущной необходимости такого изменения. И, конечно же, многое будет делаться под воздействием инерционности государственных машин ведущих держав. Это означает, что избежать деструкций будет невозможно. Заявление президента США Барака Обамы в день присуждения ему Нобелевской премии мира 10 декабря 2009 года в Осло о том, что, работая на мир, невозможно не учитывать предстоящие войны, примечательно само по себе. Все понимают, что язык дипломатии в мире не понимают многие. Не случайно, понадобились «полюса сдерживания» не столько в качестве отдельного субъекта, сколько в качестве конфигураций противостояния. И не случайно, роль субъектов «нижнего эшелона» резко выросла. Материал для третьего полюса все больше выискивается внутри самих государств. Скорее всего, в плоскости подобных взаимоотношений и будет коваться новая схема баланса в мире.

Манвел Саркисян

эксперт АЦСНИ

